

Ярослав Таран

ПИСЬМО ДОМОЙ

поэма тоски

А в небе танцует золото –
Приказывает мне петь.

Мандельштам

Лес облетевший, осень, стон
безмолвия стеклянного;
покинутость; тоска.

Над миром, детски-спящим, разлилась
и вольно дышит синь,
ледяная и невинная:
грех – спит.

Тоску, тоску ли мне хулить?
О нет! Тоска,
как чуткий собеседник, увела
от мыслей, вслух произнесённых, страх –
туда: в чертоги родового зла –
назад и вниз.

И лист,
в бреду исписанный, узнал
насилу в зеркале стиха
моё вчерашнее лицо...

Тоска
так облачно-ранима и стройна,
скалисто-северна, строга,
беззлобна и смела
(боится лишь трёхмерной высоты
и глубины). Она
ведь женщина: беспомощно-сильна.

И грязь, и укоризны мира
отрясла
с одежд своих.
Немые соль и снег черны,
тоска – бела!
Тоска правдива.

"Страшнее страшного – любить,
где встречи суженых
искажены,
где братья
обезвоздушены,
разделены...»–

нашёптывает осень мне
соблазн последний –
крикнуть: Хватит!
Соблазн – сказать: Пора.

Бежать!
от наземь брошенного сердца,
сгоревшего в несбыточных мечтах.
Домой бежать – как сны,
что будоражат память.

Соблазн – красив. Но жест,
веками повторяемый, уже
невыносимо мрачен!
Жест – постыл.

Не дай мне, мир, сойти в почёт,
живую душу сказок в вещь,
в произведенье!
превращающий, шипя.

Не дай мне Бог такой упадок струн...
Но – чу! Как будто – дуновенье?

И так сладок,
нов, высок тот ветерок!–
что чудится: дыхание богов
колышется над нами – и река
поэзии из берегов
земных выходит... –

и словно вздох – осеннюю траву
ласкает северное лето,
маленькое лето,
ускользающее из-под ног...

Так нестерпимо сложно,
ярко, в море красок
захлебнувшись, утопая в небе,
меркнет день лесной, осенний...
Сей музыкальный символ
человеческого счастья.

И жизнь –
вновь целомудренна, легка,
как этот первый снег,
как этот синий ветерок,
и твой, и мой,
игрушечный и настоящий.
Так, кажется, воркуют голуби...

И белоснежной тенью
невозможной Красоты,
под тихий лепет нянечки-судьбы,
тревожит зрячий слух поэта

добрая лучинка,
чуткий фитилёк,
узнанного слова
медовая слезинка
и пчёлка в сотах сна –
живой восторг
свечи горящей –
лунная и вольная тоска.

Соблазн осенний, волчий, спящий...
Сладок, сладок смерти ветерок!

Но, вдребезги разбив
зеркальное окно,
Дар Слова жжёт мой сон:
приказывает ждать мне –
удваивает Срок.

В забвении ночном
душа находит сок
и правду будущих веков –
и оживает память
не пройденных стихов.

Хрустящую бумагу
былого рвёт Судьба
напополам:

налево – хлам
обид и стыд и боль утрат;
направо – кнут
злорадного суда.

Откинув эти – лишние куски,
стоит Она над омутом своим...
И звёздно-снежный пух тоски
взмывает и кружится над столом.

И ловит белым ртом,
и замирая, пьёт
летящей музыки
высокое дыханье
моя голодная тетрадь...

Но строки эти – только
от Слова тень глухая:
условный звон, условная стезя,
улыбка виноватая; в тумане
попытка различить следы
Поэзии Единой: слух –
а не случай – пишет на Земле
Её Свободные Скрижали.

Проснувшийся во мне
далёким зовом, чистым сном,
весёлым родником,
затерянным в лесу, костром,
мерцающим в пути ночном,
Поэт, прости
мою тугую человечью муть:
непонятых Имён и строк
несбывшихся утерянную суть;
омой
глаза мои живительной тоской;
очисти душу русским языком!

Как эта ночь молчит!
И как она прозрачна и проточна!
Воочию кровоточит
ткачиха-жизнь бессонной ночью...

Со дна очей всплывает память:
дрожащая слеза напоминает пламя –
и, нежно по лицу души скользя,
сознания растапливает лёд,
и жалит больно; каплет воск
ума, прозревшего в молчанье...

И вдруг – накат – прорыв –
безгрешная волна:
в разъятый, беззащитный мозг
вторгается стихия Языка!
В висок – как молния –
вонзается гармонии змея...

И внемя громовому шёпоту
неумолимой совести,
кричит, диктует
красный рот в бреду
почти бессвязные стихи.

Рука влюблённая
сливается в словесном поцелуе
с бумагой целомудренной...
В объятьях огненных щемящего стыда
рождается строфа – дитя

восторженной тоски,
пронзительных молитв.

А в небе радостном – рождается звезда.

В сей мир, где счастья нет,
приходим мы работать,–
промолвили горящие уста...

Как встреча с суженой моей
в распахнутую вечность
надеждой-птичкой сорвалась
минувшею весной,

так строки эти – только тень от тени,
лишь слабый отзвук сна, лишь пена
Иных Морей, лишь след
неясный в памяти от Слова

Простившего измену
несчастливого Петра.

Лети же, тень больная,
в крови чернил сурова,
в любви как смерть проста.

Пока земные строки
живым не лягут словом
к подножию Креста –
пой!

Сквозь омуты и сроки
лети, мой стих, Домой.

1994, 1999